

- 1–2 дек. 2005 г. / редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин. Барнаул, 2006. С. 122–130.
7. Горнявчева Т. А. Татары Алтайского края в прошлом и настоящем: (по материалам устно-исторических исследований в г. Барнауле) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы 46-й регион. (2-й всерос.) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 160-летию со дня рождения В. И. Громова, г. Красноярск, 28–30 марта 2006 г. Т. 2 / отв. ред. Н. И. Дроздов; отв. за вып.: Е. В. Акимова, И. В. Стасюк. Красноярск, 2006. С. 120–122.
  8. Горнявчева Т. А. Национально-культурная автономия татар Барнаула: история создания и деятельность (по устно-историческим источникам 2005 г.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2005 г.: (археология, этнография, устная история): материалы 2-й регион. науч.-практ. конф., 1–2 дек. 2005 г. / редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин. Барнаул, 2006. С. 130–133.
  9. Люля Н. В., Рыков А. В. Народы Алтая: история и культура: результаты полевых исследований казахов Алтайского края в 1990–2010-е годы Центром устной истории и этнографии АлтГПУ // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–18 сент. 2019 г.) / отв. ред. Ф. И. Куликов. Электрон. дан. и прогр. (32,6 Мб). Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019. С. 107–111.
  10. Юсупова А. В. Предварительные результаты этнографических исследований в моноэтничном татарском селе Беленькое Угловского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2007 г.: археология, этнография, устная история: [материалы 4-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 дек. 2007 г.]. / редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин. Барнаул, 2009. С. 186–188.
  11. Горнявчева Т. А., Юсупова А. В. Итоги историко-этнографических исследований в с. Керей Кулундинского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2008 г.: археология, этнография, устная история: материалы 5-й регион. науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, 4–6 дек. 2008 г. / редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин. Барнаул, 2009. С. 88–92.
  12. Горнявчева Т. А. Хозяйственная деятельность казахов с. Керей Кулундинского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2008 г.: археология, этнография, устная история: материалы 5-й регион. науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, 4–6 дек. 2008 г. / редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин. Барнаул, 2009. С. 84–88.
  13. Щеглова Т. К., Юсупова А. В. Этническое развитие Барнаула в XVIII–XXI веках: народы, численность, их вклад в экономику, культуру и общественную жизнь города // Краеведческие записки / редкол.: О. В. Падалкина, И. В. Попова, В. А. Скубневский (науч. ред.). Барнаул. Вып. 9. С. 194–208.
  14. Юсупова А. В. Татары Алтайского края в XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф. Вып. 7 / отв. ред.: Т. К. Щеглова, И. В. Октябрьская. Барнаул, 2008. С. 124–127.

УДК 913.1

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-287-293

В. Г. Седельников, А. П. Дворецкая*Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация***Тайны острова Диксон: по следам спутников Руаля Амундсена на шхуне «Мод» (1918–1983)**

Аннотация. Освоение Арктики связано с именами многих известных полярников, и эти имена являются частью коллективной памяти Арктики. В настоящей статье рассмотрены аспекты, связанные с экспедицией Руаля Амундсена на шхуне «Мод» в 1918–1920 гг. и гибелью на о. Диксон двух участников похода – Питера Тессема и Пауля Кнутсена. Авторы выстраивают собственную интерпретацию событий, отказавшись от устоявшихся версий. Документы и материалы свидетельствуют, что останки норвежского моряка, найденные в 1922 г. экспедицией Урванцева–Бегичева, принадлежали Питеру Тессему, который смог преодолеть путь от мыса Челюскин к п. Диксон и трагически погиб в нескольких километрах от цели. Однако тело второго моряка так и не было найдено, а версия его гибели в бухте Михайловой никак серьезно не обоснована. Привлечение новых сведений из документов о поисковых экспедициях важно для установления истины о гибели полярников. Документы свидетельствуют о добровольности оказания помощи жителями Таймыра – и русскими, и коренными жителями тундры. **Ключевые слова:** Амундсен, Бегичев, Арктика, Приенисейский Север, Диксон, коллективная память Арктики.

Освоение Арктики связано со многими именами известных полярников. Люди-легенды – часть коллективной памяти Арктики. В первой трети XX в. покорение Арктики нередко было связано с героической борьбой не на жизнь, а на смерть; гибель первопроходцев Севера являлась платой за покорение Арктики, во многом естественной и предсказуемой, как

потери личного состава на войне. В разное время при выполнении долга погибли такие герои-полярники, как Георгий Седов, Руал Амунсен, Владимир Русанов, Генри Гудзон, Эдуард Толль.

Руал Амунсен завоевал всемирную известность смелыми экспедициями и открытиями. Весь научный и культурный мир восхищался его достижения-

ми в деле покорения Арктики и Антарктики. В массовом сознании его имя обросло легендами и мифами, так же как имена его спутников по путешествиям. Он и его спутники преодолевали природные стихии, искали новые земли и открывали новые пути. «Путешествия дали мне счастье дружбы...» — отвечал Р. Амундсен. И прибавлял: «То, что до сих пор еще неизвестно нам на нашей планете, давит каким-то гнетом на сознание большинства людей. Это неизвестное является чем-то, чего человек еще не победил, каким-то постоянным доказательством нашего бессилия, каким-то неприятным вызовом к господству над природой» [1].

Один из эпизодов борьбы отважных полярников с северной стихией — героическая экспедиция Руала Амундсена на шхуне «Мод» в 1918–1920 гг. и гибель на о. Диксон двух моряков, участников похода, — Питера Тессема и Пауля Кнутсена. 24 июня 1918 г. Руал Амундсен отправляется в плавание на шхуне «Мод». Он хотел дойти из Норвегии до полярной Сибири, чтобы, вмерзнув в дрейфующие льды, добраться с ними до Северного полюса и затем пройти Северо-Восточным проходом до Берингова пролива и Аляски. В середине сентября 1918 г. шхуна была зажата льдами, но, вместо того чтобы дрейфовать, встала на «мертвую» стоянку возле мыса Челюскин.

В целом успешно полярники дожили до сентября 1919 г., когда появилась возможность вызволить шхуну из ледового плена и продолжить плавание. Накануне этого важного события произошел эпизод, наиболее важный для них: от основного состава экспедиции отделились двое — Питер Тессем и Пауль Кнутсен. Они сошли на берег, чтобы сухопутным путем (пешком и на собачьей упряжке) от м. Челюскин добраться до российского порта Диксон и далее пароходом и поездом вернуться в Норвегию [2, с. 140–146]. За многие годы этот сюжет оказался мифологизирован, тело одного из моряков так и не было найдено и захоронено, несмотря на длительные поиски и затраченные усилия.

Сойдя со шхуны «Мод», норвежские моряки пропали. Они так и не пришли в назначенный пункт, от них не было никаких известий. На родине была поднята кампания по организации поисков пропавших, а норвежское правительство обратилось к советскому государству за помощью. Норвежское правительство в 1920 г. отправило на поиски Питера Тессема и Пауля Кнутсена шхуну «Хеймен» со специальной экспедицией на борту. Возглавлял экспедицию капитан Ларс Якобсен, его помощником был переводчик Альфред Карлсен. По прибытии на Диксон к экспедиции присоединился русский почти легендарный полярник, лучший знаток Таймыра — Никифор Бегичев. Далее поисковики двинулись пешим путем, на собаках и оленях, в сторону м. Челюскин.

12-го августа 1920 г. шхуна «Хеймен» вышла из Тромсе и направилась к Диксону. Придя на остров 3-го сентября и наведя справки, они вышли в этот же день в Гольчиху, куда пришли без остановок в пути на следующие сутки. Не получив никаких сведе-

ний и в Гольчихе, того же 4 сентября повернули на Диксон, но сильное волнение от West'a заставило их укрыться в Крестовском проливе, из-за чего на Диксон пришли лишь 9 числа. 11 сентября, ввиду невозможности достигнуть цели экспедиции, они повернули в обратный путь, но в 98 милях пути у них оказался поврежден двигатель — лопнул воздушный компрессор, вследствие чего поисковикам пришлось 13 сентября вернуться на Диксон. При этих обстоятельствах капитан шхуны принял решение зазимовать на Диксоне [3, л. 42, 43].

Норвежцы не обладали опытом поисковых экспедиций на Енисейской Севере, и 21 сентября Комитет Северного морского пути принял решение поддержать поиски норвежцев, а Ф. А. Шольц¹ при личном свидании с Н. А. Бегичевым, постоянно живущим в с. Дудинском, предложил ему организовать эту экспедицию, если она будет решена. Бегичев согласился [3, л. 43 об.].

В краткой выписке из дневника от 7 ноября 1921 г. Н. А. Бегичев так описывает эти события: «...С норвежцами я вошел в соглашение, после чего приступил к организации своей экспедиции. В первую очередь, дабы обеспечить себя транспортом, я послал в тундру два письма: первое — самоедскому авамскому старосте, с просьбой: может ли его орда дать для моей экспедиции 500 хороших ученых оленей, и второе — людей 8 человек, т. е. тех, которые ходили со мной в 1915 г.; и второе — тунгусскому старосте, с просьбой, чтобы сделали для моего транспорта 25 легких нарт, на что они охотно ответили, что олени мои для моей экспедиции будут готовы, а также будут готовы нарты; тогда я стал еще подыскивать себе спутников двух русских; оказались изъявившими желание быть участниками: первый — жит[ель] с. Дудинки Апалос Григорьев Кайдалов и второй — Георгий Иванов Кузнецов (послед[ний] участвующий со мной в 1915 году)...» [4, л. 133].

П. М. Устимович, первый биограф Н. А. Бегичева, основываясь на дневниковых записях Н. А. Бегичева, пишет, что на розыски путешественников Норвегия отпустила средства и просила советское правительство снарядить экспедиции, причем оно указало именно на Бегичева как на человека, известного в Норвегии. Норвежским правительством было послано особое судно «Хейман» в окрестности Диксона немного ранее этого времени со специальной миссией разыскать следы своих злополучных соотечественников, но никаких результатов добыто не было.

Бегичев организовал при помощи авамских самоедов и тунгусов оснащение 500 оленей, с ними были и 9 опытных проводников, уже в свое время проделавших с ним путь к мысу Штиллинга. Он также пригласил двоих русских жителей Дудинки — Григория Кайдалова и своего постоянного спутника Георгия Кузнецова. 12 апреля 1921 г. экспедиция вышла из Дудинки на Диксон. Пробыв на Диксоне три дня,

¹ Ф. А. Шольц — в это время председатель Комитета Северного морского пути.

экспедиция направилась к мысу Вильде. По свидетельству П. М. Устимовича, дорога сопровождалась большими трудностями: приходилось с опасностью для жизни пересекать большие реки и горные хребты. В пути погибло много оленей. В июле достигли м. Вильде [5, л. 43 об.].

Более подробное описание самой экспедиции, записанное со слов одного из проводников Г. Кузнецова, мы находим в книге Г. Эль-Регистана «Необычайное путешествие» (М., 1936): «...В экспедицию, в которой помимо Бегичева участвовали Кузнецов и Кандалов, влились лучшие олени ямщики тундры: Чута, ненец Авамского рода, Каньо, Дюряк, Лапсаре, Мунга, Китте, Бальо и Мунцану. В апреле вышли из Авамо-Хатангской тундры, продвигаясь на северо-восток и оставляя в пути на расстоянии семидесяти-восьмидесяти километров друг от друга топливные базы.

У реки Пуры, впадающей в Пясино, транспорт был разбит на три части. Двести оленей, выделенных из стада в качестве резерва на обратный путь, Бегичев отправил пастись на Тарею; триста оставил на Пясине против реки Пуры; сам с оставшимися оленями легким аргишем на четырех пассажирских санках и шести грузовых, которые везли чум, палатку, лодку, продовольствие и керосин, пошел тундрой на Диксон. Пятьдесят запасных оленей бежало позади поезда, подгоняемые собакой.

Ударили сильные морозы, снежный наст тундры покрылся ледяным покровом, чрезвычайно затрудняющим движение оленей. Звери падали, выбиваясь из сил. С большим трудом Бегичев и Кузнецов добрались до острова Диксон, найдя здесь шхуну „Гейман“¹. Захватив капитана Якобсона и норвежца Альфрида², экспедиция пошла через Тарею, где приставшие звери были заменены из второго резерва свежими, на мыс Вильде. Было начало июля. Бегичев оставил в заливе Воскресения груженные нарты и налегке выехал в сопровождении Якобсона, Альфрида и Кузнецова на Вильде» [6, с. 188].

26 июля 1921 г. на м. Вильда (находится примерно на полпути между Диксоном и м. Челюскина) экспедицией была сделана первая важная находка. Это была жестяная коробка с запиской на английском языке от Кнутсена и Тессема, датированная 15 ноября 1919 г. В ней сообщалось, что моряки пришли сюда 10 ноября, с ними все в порядке (we are in good condition) и они собираются идти далее в сторону Диксона. По расчетам выходило, что Кнутсен и Тесем прошли половину пути и менее чем за месяц и к концу декабря 1919 г. могли уже быть на Диксоне [7, с. 163].

После этого была сделана еще одна находка — норвежская нарта: «...Переночевав на мысе Вильде, экспедиция Бегичева вернулась в бухту Воскресения к своему оленьему транспорту. По плану Бегичева было решено гнать оленей тундрой по побережью

моря Лаптевых, а самим вчетвером, разбившись на две пары, двигаться пешком по берегу, обыскивая встречные бухты. В первую пару входили Бегичев и Якобсон³, во вторую — Кузнецов и Альфрид⁴. В дежурство первой пары, продвинувшейся в поисках пропавших спутников Амундсена к мысу Стерлинга, Бегичев натолкнулся неожиданно на пустые норвежские нарты. Придя на стойбище, где отдыхали олени, он предложил Кузнецову спуститься по тундровой речке на лодке-„веточке“ к мысу Стерлинга и погрузить здесь обнаруженную нарту, которая была слишком тяжела для того, чтобы ее нести пешком. Кузнецов поплыл по реке, попал в узкое ущелье, где его встретил сильный штормовой ветер, оставил здесь лодку и пошел к нарте пешком, но не донес ее до лодки, из-за тяжести оставил, поставив задками на землю и обложив камнями...» [6, с. 289].

30 июля 1921 г. экспедиция Якобсена–Бегичева повернула назад и пошла в сторону Диксона, тщательно осматривая все мысы и бухты. 10 августа на берегу бухты Михайлова поисковиками была сделана еще одна важная находка. Это было кострище и следы стоянки. По ходу осмотра участники экспедиции решили, что они нашли, то, что искали — следы разыскиваемых норвежских моряков Кнутсена и Тессема [7, с. 163].

П. М. Устимович в статье «История одной жизни (Н. А. Бегичева). 9 февр. 1874–18 июл[я] 1927 года» пишет: «...С громадными усилиями и с сильно ослабленным оленьим фондом, 10 августа 1921 г., в среду экспедиция прибыла к мысу Приметному. Здесь Бегичев решил осмотреть берега врезавшейся в материк бухты и звал пойти с собою обоим новежцев, но те решили идти в другую сторону. Вот как описывает Н. А. [Бегичев], как он нашел части скелета и следы пребывания Кнутсена и Тессема.

10 августа (1921 г.) Среда. Дневники. В 12 часов дня я пошел к морю по западной стороне Приметного мыса. Капитан и Альфред пошли на мыс. Я обошел глубокую бухту и пошел западным берегом, вышел на мыс Земляной, высокий, обрывистый, пошел по мысу к NW. Немного пройдя, дошел до окончания мыса. На западной стороне есть бухта, глубоко впадающая в материк верст на 40 к югу. Я пошел на N. Здесь образовалась коса, я увидел горелые дрова и подошел к ним. Здесь лежат обгорелые человеческие кости и много пуговиц, пряжек, гвоздей и еще кое-что: патроны дробовика, бумажные, и несколько патронов от винтовки. Я их собрал и принес в чум. Я решил разобраться с вещами, которые нашел: патроны оказались норвежского образца 1915 г. Тогда я узнал, что погиб какой-то из спутников Амундсена. Пришли капитан и Альфред. Они видели на Приметном только жженный плавник. 11 августа пошел туда в 12 часов. Я нашел там кости человека и другие вещи. Пришли сюда я, капитан, Альфред и Кузнецов. Нашли еще карманный барометр

¹ Так в документе, имеется в виду «Хеймен».

² Так в документе.

³ Так в документе, Якобсен.

⁴ Так в документе, Альфред Ларсен.

и перочинный ножик, одну серебряную ложку, очки, еще кое-что. Сожженный труп оказался спутником Амундсена, сожженный своим товарищем, т. е., наверно, один из них умер и другой его сжег его на костре, а сам пошел дальше. Мы вырыли могилу, зарыли обгоревшие кости, поставили крест и выбили на цинке, когда поставили крест и номер. Я поставил свой знак из плавника и вырубил на нем топором, когда была на этом месте. Сняли фотографию и вернулись обратно. Вечная память героям и смельчакам» [5, л. 44].

Столь, казалось бы, успешная находка полного удовлетворения поисковикам не дала. Во-первых, неясно, кто их двух моряков был сожжен. Во вторых оставались сомнения по поводу идентификации обгоревших костей, о чем позднее сказал капитан Якобсен: «Кости обгорели настолько, что мы не могли прийти к определенному мнению, были ли это кости человека или нет» [7, с. 163].

Дальнейший путь экспедиции описан в книге Г. Эль-Регистана: «...На Тарее со зверьми оставался Чуа. К нему поехал от нас туземец Каньо. А остальные пошли берегом...

Каньо со свежими оленями вышел навстречу экспедиции Бегичева у мыса Михайлова. В первых числах сентября экспедиция дошла до устья Пясины. Двигаться к Диксону было бессмысленно, так как шхуна по условию должна была уйти при первом появлении льдов. Холодное море уже сковывалось льдами. Бегичев с товарищами повернул на Пуру, где его ждала подстава в сто оленей. Он был блестящий полярный стратег, знаток передвижений по Арктике и замечательно расставил своих оленей. Спустив в Пуру лодку, путешественники поплыли по реке, пользуясь тем, что она еще окончательно не замерзла. В пути заметили в тундре два чума, вышли на берег. Это оказались ненцы, выехавшие промыслять дикого оленя.

Получив у них ездовых оленей, Бегичев привез свою экспедицию к реке Агапе и, кочуя от чума к чуму, доехал 14 октября до Дудинки, откуда Якобсон (Якобсен. – *Авт.*) и Альфрид (Альфред Ларсен) были отправлены сухим путем через Красноярск в Норвегию...» [6, с. 190].

По подсчетам П. М. Устимовича поисковой экспедицией всего было пройдено 2351 верст: от Авама до Диксона – 588, от Дудинки до устья Пуры – 225, от Пуры до Вильде – 455, от Вильде до Пясиной – 300 верст, далее до устья Пясиной до Пуры – 129, от Пуры до Дунинки – 648. Всего экспедиция обошлась в 8775 золотых рублей [5, л. 44 об.].

Следующий этап в распутывании тайны гибели Кнутсена и Тессема связан с экспедицией сибирского инженера Николая Урванцева, в состав которой входил и Никифор Бегичев. 9 августа 1922 г., исследователи на лодке следовали морским побережьем от устья р. Пясины в сторону Диксона. Не доходя до него примерно 90 км, на берегу р. Заледеевой они обнаружили два пакета с научными материалами и почтой Амундсена, а так же много вещей, несомнен-

но, принадлежащих Кнутсену и Тессему. Следуя далее, 28 августа 1922 г., уже на берегу, расположенном непосредственно напротив о. Диксон, члены экспедиции сделали главную находку. Это были останки человека в виде полуистлевшего скелета с частично сохранившейся одеждой и обувью. Тело лежало на склоне обрыва, вокруг него было найдено большое количество разных предметов, необходимых путешественнику, а также личные вещи. Среди вещей оказались часы с выгравированной фамилией Тессема и обручальное кольцо с именем его жены, подвешенное к поясу на кожаном ремешке [8, с. 56–57].

Об обстоятельствах нахождения почты, посланной Амундсеном, можно узнать из докладной записки Н. А. Бегичева от 23 ноября 1923 г. в Комсевпути: «...Когда я подошел к нему, тут, на том месте, где были найдены портянки, лежат теодолит и компас и много других вещей, недалеко от этого я нашел два больших пакета с документами за подписью известного путешественника „Амундсена“, один пакет был адресован в г. Чикаго (в Америке) на имя Магнитного института, а другой в Норвегию „Амундсену“, о найденных предметах мною было сказано... Место найденных документов на широте 73° 38 м. 22 сек. и долгота 83° 18 м. 40 сек. Документы эти я передал заведыв[ающему] экспедицией Урванцеву, чтобы он их направил в Географическое общество председателю Шакальскому...» [3, л. 55].

Там же указываются обстоятельства нахождения останков предположительно Тессема: «...28 августа я и спутники Базаров и Пушкарев поехали [...] охоту на материк с целью набить больше диких оленей и увезти с собой на пароходах, т. к. провизии у нас не было, пройдя проливы Провине и Лена², или около берега материка на пути я увидел на мыске скелет человека, тогда я сказал своим товарищам, и мы пристали к берегу, и что по осмотру оказалось скелет второго погибшего норвежца, при нем оказались именные часы, обручальное кольцо, десятка два винтовочных патрон, перочинный нож и другие вещи, мы эти вещи взяли и поехали продолжать дальше свою охоту, убив 6 оленей, а затем вернулись на Диксон, только что пристали к берегу, к нам подошли несколько человек из помещения, в том числе и Урванцев, которые сообщили, что они получили радиотелеграмму о том, что пароход Гидроотряда на Диксон не прилетит, тогда я предложил Урванцеву, чтобы нам выехать завтра ложкой на Дудинку и сообщил ему, что нами во время охоты найден скелет норвежца на расстоянии 3 верст» [3, л. 55].

Похоронить останки поисковикам не удалось, «ибо не было времени: спешили ехать, а потому мы попросили служащих Диксона, чтобы они найденный скелет предали земле, а сами направились в Дудинку, куда прибыли 14 сентября» [3, л. 55 об.].

Найденные вещи и предметы позволили Бегичеву и Урванцеву предварительно идентифициро-

¹ Слово неразбочно.

² Так в документе.

вать найденные останки как тело Питера Тессема [8, с. 58], что, в свою очередь давало ответ на вопрос о принадлежности костей, найденных год назад в кострище на берегу бухты Михайлова. Простая логика подсказывала, что там могло быть сожжено только тело Пауля Кнутсена.

Таким образом, казалось, была разрешена загадка гибели норвежских моряков. Это, однако, не мешало продолжать изучать загадку их гибели, подвергая сомнениям устоявшуюся версию. Так, еще в январе 1922 г. переводчик Карлсен в Новосибирске на обратном пути в Норвегию подробно рассказал о работе своей экспедиции, о находке в кострище на берегу бухты Михайлова заместителю заведующего научным отделом Комитета Северного морского пути при Сибревкоме (Комсеверпути) инженеру С. А. Рыбину. Тот подробно записал рассказ переводчика, описал все найденные предметы и изложил все это в рапорте на имя председателя Комсеверпути, признав сомнительным тот факт, что кости принадлежат человеку и что был сожжен целый скелет [3, л. 49 об., 50]. Рапорт С. Рыбина был положен в архив этого учреждения, где был обнаружен журналистом и полярником Н. Я. Болотниковым. Хорошо зная историю северных экспедиций, Болотников предположил, что находки, обнаруженные Якобсеном и Бегичевым, принадлежат экспедиции В. А. Русанова, бесследно исчезнувшей в 1912 г. во льдах восточной части Карского моря на судне «Геркулес» [7, с. 167].

Таким образом, через несколько десятилетий версия гибели обоих норвежских моряков оказалась под вопросом. Исследование этой проблемы необходимо было начинать сначала. Существенную роль в этом деле сыграла научно-спортивная Полярная экспедиция газеты «Комсомольская правда», проходившая в 1973 и 1975 гг. В ходе ее был собран фактический материал, который позволяет делать более надежные и определенные выводы. Еще раз проанализировав состав находки Якобсена и Бегичева на берегу бухты Михайлова, участники экспедиции Д. И. Шпаро, А. В. Шумилов, А. А. Новикова определенно подтвердили гипотезу Н. Я. Болотникова о том, что эта находка несомненно связана с экспедицией В. А. Русанова и не имеет отношения к судьбе норвежцев Кнутсена и Тессема [7, с. 166]. С этим выводом экспедиции согласился и Н. Н. Урванцев, который после собственного подробнейшего анализа состава находки Якобсена и Бегичева пришел к выводу, что «остатки костра и вещей, найденные Бегичевым, принадлежат русановцам, а не норвежцам» [8, с. 66].

Не оставили без внимания участники экспедиции и кости, найденные в кострище. По описанию Бегичева они нашли песчаный холмик, под которым он захоронил, предположительно, обгорелые останки одного из норвежских моряков. Кости эти были увезены в Москву и отданы на экспертизу. Результаты ее показали, что это кости не человеческие, а оленьи. Очевидно, это были следы охотничьей экспедиции русановцев и, опять-таки, они не имели от-

ношения к судьбе норвежских моряков [8, с. 67; 7, с. 166].

Возникает вопрос: можно ли окончательно исключить из научного оборота и отправить в область легенд и преданий романтическую версию Бегичева о сожжении тела одного норвежского моряка для предотвращения растерзания его зверями? Большинство ученых считает, что да. Тем интереснее уклончивые выводы исследования, проведенного Московским филиалом Географического общества СССР при АН СССР с привлечением специалистов из Прокуратуры СССР, НИИ судебной медицины Минздрава СССР летом 1983 г. Прилетев на Диксон, в район мыса Земляного экспедиция обнаружила следующее. Бегичевский столб с его инициалами был обнаружен в 1974 г. Правда, к этому времени он уже лежал на земле, и найти место, где он когда-то стоял, так и не удалось. Дело в том, что в условиях глинистых многолетне-мерзлых грунтов дерево не гниет, но зато постепенно «выжимается», выталкивается на поверхность, и следы углубления не сохраняются.

Время принесло и другие трудности: за истекшие десятилетия глинистый склон мыса на несколько метров сполз в море, да и на самом мысе побывало немало людей, оставивших свои следы. В этих условиях найти крошечное захоронение, затерявшееся на площади в несколько тысяч квадратных метров, — занятие не из легких. Однако осмотр местности был необходим в любом случае, и не только с целью поисков, но и для фиксации обстановки, существующей на данный момент.

В одном из мест были замечены следы давнего костра и на глубине около полуметра обнаружены два костных фрагмента со следами действия пламени [9, с. 69, 70]. В ходе предпринятых раскопок обнаружены частицы древесного угля, торфоподобных включений и единичных кусков мелкой древесной щепы, не подвергшихся сожжению. Другие инородные включения, располагавшиеся на глубине 40–50 см от поверхности, представлены: ржавыми гнутыми гвоздями в количестве 5 штук, обрывком кусочка тонкой блестящей фольги белого цвета; шурупом с толстым слоем ржавчины, скрывающей конструктивные особенности.

Костные обломки имели неравномерную окраску поверхности (с участками черного, буроватого и интенсивно белого цвета), характерную для костей, подвергшихся длительному воздействию высокой температуры пламени. Косные фрагменты плотные, поверхность их гладкая, края крупчато-зубчатые [10, л. 4, 5].

Результаты последующих лабораторных исследований показали, что кости принадлежали собакам. Неужели Бегичев ошибся? Но его версия о том, что костер каким-то образом связан со спутниками Амундсена, подтверждается по крайней мере двумя вескими фактами. Во-первых, давностью костра, хорошо согласующейся по времени с путешествием Тессема и Кнутсена. А во-вторых, тем, что пряжки,

найденные Бегичевым, аналогичны пряжкам, обнаруженным в захоронении Тессема на Диксоне.

Эксперты допустили, что Бегичев ошибся лишь в одном: Кнутсен не умер на Земляном мысе. Но два норвежца все же на нем побывали. Об этом красноречиво свидетельствует их маршрут. И нет ничего невероятного в том, что в тяжелом походе Тессему и Кнутсену пришлось употреблять в пищу собачье мясо. Такой вывод подтверждается многовековым опытом полярных путешествий [9, с. 69, 70].

В свете этих обстоятельств еще большее значение приобретает настоящая разгадка принадлежности тела норвежского моряка, обнаруженного 28 августа 1922 г. напротив о. Диксон. Попытку найти их предприняли участники вышеупомянутой научно-спортивной Полярной экспедиции. Они нашли фотографию, где останки норвежского моряка расположены в гробу без верхней крышки. По просьбе газеты «Комсомольская правда» в специализированных научных учреждениях был проведен сравнительный анализ останков (прежде всего черепа) с прижизненными фотографиями П. Тессема и П. Кнутсена. Ответ лаборатории пластической реконструкции Института этнографии АН СССР и отдела биологических и специальных исследований ВНИИ МВД СССР гласил, что погибший вряд ли мог быть Кнутсенем; не исключено, что им является Тессем [11, с. 60].

Летом 1983 г. проводится повторная экспертиза. Из материалов экспертизы следует, что «по признакам словесного портрета, возраста, роста и цвета волос принадлежность останков П. Кнутсену исключена». Наоборот, останки хорошо идентифицировались с П. Тессемом, который был небольшого роста (около 156 см), грациального телосложения. Найденные волосы также соотносились с ним: были темно-русого цвета и склонны к поседению.

Наиболее определенно мнение экспертов может быть выражено следующим определением из их отчета: «Кроме совпадения по признакам расы, возраста и роста, зафиксировано сходство словесного портрета и масштабное соответствие размерных характеристик черт лица Тессема на фотоснимках с аналогичными особенностями черепа» [12, с. 59].

Приведенный материал в целом исключает дальнейшие сомнения в принадлежности останков норвежского моряка, найденных в 1922 г., экспедиции Урванцева–Бегичева. Определенно это был Питер Тессем, который смог преодолеть труднейший путь от м. Челюскин к п. Диксон и трагически погиб в нескольких километрах от цели своего похода.

В заключение несколько строк о судьбе второго норвежского моряка — Пауля Кнутсена. Из приведенного материала следует, что он, конечно, не был сожжен на берегу бухты Михайлова и продолжал следовать со своим спутником П. Тессемом почти до самого Диксона. По версии Н. Н. Урванцева, не дойдя до него примерно 70 км, оба путешественника оставили лыжи и пошли пешком. О том, что случилось с П. Кнутсенем далее, пока можно только строить версии.

Для полярников составление мартиролога погибших, восстановление обстоятельств их смерти и в настоящее время являются частью общей памяти профессионального сообщества. Ведь каждый из них может оказаться в центре очередной трагедии. Не всё в Арктике можно предвидеть и оценить. Не всё зависит от усилий человека, даже опытного путешественника. Огромную роль играют стихия, случайные обстоятельства, психологический настрой. В связи с этим воссоздание памяти о героях-полярниках важно не только для их земляков-норвежцев, но и для россиян. Жители двух этих северных стран не понаслышке знают, что такое оказаться во власти суровой природы, холода. Знают, что только общими усилиями можно чего-то достичь, установить истину.

Сохранение традиции поиска пропавших без вести, установление истины о гибели полярников является частью культурной памяти северян. Документы свидетельствуют о добровольности оказания помощи со стороны жителей Таймыра — и русских, и коренных жителей тундры¹.

Обращение к отдаленному прошлому связывает разные поколения, формирует общность людей всех возрастов и стран, становится частью единой истории Арктики.

V. G. Sedelnikov, A. P. Butler

Secrets about Dixon: following the companions of Roald Amundsen on the schooner "Maud" (1918–1983)

Annotation. The development of the Arctic is associated with many names of famous polar explorers. The people of legend are all part of the collective memory of the Arctic. Roald Amundsen himself has won worldwide fame for his daring expeditions and discoveries. The entire scientific and cultural world admired his achievements in the conquest of the Arctic and Antarctic. In the mass consciousness, his name was overgrown with legends and myths, as well as the names of their travel companions. The authors, abandoning the well-established versions of these events, turn their eye to the evidence of that era — the reports and reports of N. A. They are trying to build their own interpretation of what happened during these years at Dikson, to Begichev, records about the course of the expedition's searches, unpublished articles and eyewitness accounts, and expertise from 1920/1983 deposited in the funds of the Russian State Archives of Economics. Documents and materials indicate that the remains of a Norwegian sailor, found in 1922 by the expedition of Urvantsev-Begichev, belonged to Peter Tessem, who was able to overcome the most difficult route from Cape Chelyuskin to Dikson and died tragically several kilometers from the purpose of his campaign. However, the body of the second sailor was never found, and the version of his death in Mikhailova Bay was not seriously substantiated. Attracting new information from documents on search expeditions is also important to maintain the establishment of the

¹ Изначально норвежская сторона должна была вознаградить всех участвовавших в экспедициях. Однако денежные компенсации были выданы лишь через несколько лет, в 1924 г. Какие суммы дошли до рядовых участников экспедиции, неясно.

truth about the death of polar explorers. This aspect is part of the cultural memory of the northerners. The documents testify to the voluntary assistance provided by the residents of Tai-

myr — both Russian and indigenous inhabitants of the tundra.

Keywords: Amundsen, Begichev, Arctic, Yenisei North, Dixon, collective memory of the Arctic.

Источники и литература

1. Амундсен Р. «Путешествия дали мне счастье дружбы...» // Комсомольская правда. 1976. 10 июня.
2. Амундсен Р. Собрание сочинений. Т. III. Изд-во Главсевморпути. Л.: 1936, 451 с.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-9570. Оп. 1. Д. 102.
4. РГАЭ. Ф. Р-9570. Оп. 1. Д. 42.
5. РГАЭ. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 173. Эль-Регистан [Г.]. Необычайное путешествие. Москва: Молодая гвардия, 1936. 195 с.
6. Шумилов А. В., Новикова А. А. Неизвестная телеграмма Амундсена и судьбе его спутников // Летопись Севера Вып. 8. Москва: Мысль, 1977. 215 с.
7. Урванцев Н. Н. Таймыр — край мой северный. Москва: Мысль, 1978. 238 с.
8. Пискарев В., Звягин В., Алексеев А. Загадка Земляного мыса // Социалистическая законность. № 3. 1985. С. 69, 70.
9. РГАЭ. Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 30.
10. Шпаро Д. И., Шумилов А. В. Три загадки Арктики. Москва: Мысль, 1982. 142 с.
11. Пискарев В., Звягин В., Алексеев А. Черта под полярной трагедией // Социалистическая законность 1985. № 2. С. 57–60.

УДК 39(=112.2)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-293-298

Т. Б. Смирнова

Материалы этнографических экспедиций в немецкие села Алтайского края в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета¹

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена экспедициям, которые проходили в немецких селах Алтайского края в 1996, 1997 и 2007 гг. Эти экспедиции проводились при поддержке Международного союза немецкой культуры. Были собраны материалы по истории населенных пунктов, истории семей, традиционному жилищу, этнической кухне и одежде, календарным праздникам, обрядам и обычаям, семейным отношениям и религии. Эти материалы и предметы, собранные в экспедициях, хранятся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. **Ключевые слова:** Алтай, этнография, экспедиция, немцы, меннониты, традиционная культура.

В Музее археологии и этнографии Омского государственного университета (МАЭ ОмГУ) в архиве материалов этнографических экспедиций (фонд I) находятся материалы, собранные в немецких населенных пунктах Алтайского края в 1996, 1997 и 2007 гг.

Изучение этнографии российских немцев началось в Омском государственном университете в 1989 г. Первые экспедиции прошли в Омской области, затем — в Новосибирской и Кемеровской областях, при этом каждый год работы проводились и в районах Омской области тоже. Первая экспедиция на Алтай была проведена в 1996 г., через 7 лет после начала изучения этнографии немецкого населения Сибири в Омском университете.

Причин такого довольно позднего обращения к крупнейшему в России ареалу расселения немцев было две. Во-первых, изучение немецкой этнографии начиналось с нуля, а Омская область занимала первое место в России по численности немцев

(134 тыс. по данным переписи 1989 г.). В регионе было более 100 деревень и сел, где немцы проживали компактными группами, изучение которых можно было проводить многие годы, настолько разными они были по происхождению, диалекту и культурным особенностям. Поэтому, прежде чем проводить экспедиции в другие регионы, надо было исследовать то, что находилось рядом.

Вторая причина — финансовая. Очевидно, что экспедиция из Омска на Алтай была связана со значительными расходами, а денег в начале 1990-х гг. не было совсем. Экспедиции в Омскую область финансировались университетом, а также отделом культуры администрации Азовского немецкого национального района, созданного в 1992 г. Чаще всего эта поддержка была «натуральной»: администрация национального района размещала участников экспедиции, предоставляла транспорт.

В 1996 г. проект по организации экспедиции был поддержан Международным союзом немецкой культуры (МСНК). Благодаря поддержке МСНК, которая осуществляется до настоящего времени, были реализованы многие проекты [1], в том числе и экспедиционные.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ 20-09-00177-А «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)»